

УДК 316.37

DOI: 10.17223/1998863X/50/14

С.Г. Карпова, А.Н. Пинчук, С.В. Некрасов, Д.А. Тихомиров

КОРРУПЦИЯ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В ВОСПРИЯТИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ОПЫТ ФОКУС-ГРУППОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуализируется изучение коррупции как воспринимаемого в пространстве личностных смыслов феномена. Представлены результаты социологического исследования особенностей повседневного восприятия и понимания коррупции современной российской молодежью. Выявлена рассогласованность основных полей осмысления различных сторон коррупции, показано, что основания легитимации коррупции артикулируются в плоскости «общественное–частное». Проанализированы взгляды и суждения молодых людей о проблеме борьбы с коррупцией в России.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, восприятие коррупции, молодежь, фокус-групповое исследование.

Введение

В условиях ускоренного развития и усложнения социальных отношений феномен коррупции приобретает новые характеристики, постепенно видоизменяясь в теневых практиках взаимодействия, латентно угнетающих стабильное функционирование социальных институтов. Борьба с таким явлением требует взвешенной государственной политики и обоснованных решений в выборе ключевых приоритетов и мер противодействия коррупции, среди которых особое значение приобретает антикоррупционная деятельность в сфере воспитания и образования, направленная на формирование антикоррупционного сознания молодого поколения.

Актуализируя роль воспитательно-образовательной антикоррупционной деятельности, следует учитывать одну важную особенность коррупции, которая присуща ей с давних времен и характеризует специфику ее проявления в различных странах. Как лаконично заметила С. Роуз-Аккерман, «то, что для одного взятка, для другого – подарок» [1. С. 5]. Иными словами, коррупция относится к тем редким социальным явлениям, отношение к которым достаточно противоречиво и неоднозначно в обществе, а придаваемые смыслы в повседневном понимании могут размываться в зависимости от контекста восприятия данного феномена представителями различных социальных групп. В данном случае существенной становится мысль Д. Тенцлера о том, что «коррупция – это прежде всего проблема определения, которая варьирует в зависимости от времени, места и даже между социальными группами отдельно взятого общества» [2. Р. 4]. Именно поэтому в различных странах понятие «коррупция» может приобретать особую смысловую коннотацию, что расширяет ее понимание в публичном дискурсе и усложняет поиск консенсуса в теоретических дискуссиях об общепризнанной научной трактовке.

В этой связи следует отметить многоплановость интерпретации коррупции в рамках социально-гуманитарного знания [3]. Так, в научной литературе коррупция рассматривается как феномен, обладающий политическими [4–7], экономическими [1, 8–10], социально-культурными [11–14], социально-психологическими характеристиками [15, 16].

Необходимо уточнить, что развернутые концептуальные идеи о коррупции прежде всего оформились в рамках политико-правового и экономического направления научной мысли. В политическом контексте упор делается на сферу государственной власти, и коррупция определяется как злоупотребление должностными полномочиями ради незаконной личной (или групповой) выгоды [7, 17].

С экономической точки зрения коррупция представляет ценовой механизм, который может в форме взятки обеспечить ограниченные привилегии определенному кругу лиц, снизить издержки либо открыть доступ к налоговым льготам [1. С. 7–8]. В экономическом анализе коррупции важно учитывать три условия для ее появления и воспроизводства, на что указывает Т.С. Айдт [8]. В качестве оснований возникновения коррупции автор выделяет дискреционные полномочия, экономическую ренту и слабые социальные институты [Ibid. P. 633].

Вместе с тем современные специалисты считают, что комплексный характер коррупции требует учета социокультурных [13] и социально-психологических [18] особенностей, которые раскрывают данное явление с новой стороны и позволяют глубже понять его сущностные свойства. Так, анализируя коррупцию в социокультурном контексте, М.Ю. Попов обращает внимание на трансформацию в индивидуальном и массовом сознании [19]. В этом ракурсе возникновение коррупции рассматривается в процессе деформаций в экономической, социальной, политической сферах общества, которые приводят к сдвигу общечеловеческих норм и ценностей на периферию сознания, их замещению примитивными духовными и материальными потребностями и жизненными ориентирами [Там же. С. 25].

Акцентируя изменение ценностей в рамках модернизации, С. Хантингтон указывал на то, что коррупция является результатом не столько отклонения поведения от общепринятых норм, сколько отклонения норм от установившихся форм поведения, когда «...новые стандарты и критерии того, что хорошо и что плохо, ведут к осуждению по меньшей мере некоторых традиционных форм поведения как противозаконных» [4. С. 76].

Значимые идеи о сущности феномена коррупции оформились в психологических теориях. В частности, К. Дюпюи и С. Несет, исследуя коррупцию в рамках когнитивной психологии, отмечают, что люди склонны совершать коррупционные действия, когда они преследуют личную выгоду, имеют низкий уровень самоконтроля, осознают косвенный вред коррупции и работают в организациях, где неэтичное поведение не наказывается [20. P. 4].

Согласно психологической концепции личностных детерминант коррупционного поведения, предложенной О.В. Ванновской, склонность к коррупции определяют следующие свойства коррупциогенной личности: стремление к роскоши, неосознанная мотивация и недифференцированная структура установок поведения, негативная самооценка, низкий уровень удовлетворен-

ности жизнью, экстернальный локус контроля и импульсивный тип реагирования [21].

Рассматривая комплексно социетальные и социально-психологические аспекты коррупции [22], ученые все больше внимания уделяют субъективному восприятию коррупционной среды в обществе, акцентируют необходимость изучения внутренних установок и диспозиций индивида в отношении к коррупции, которые в значительной степени определяют мотивацию к коррупционному поведению [23]. Как подчеркивают зарубежные авторы, представления о коррупции оказывают существенное влияние на осознание обществом этой проблемы и, следовательно, на успех предпринимаемых превентивных антикоррупционных мер [24. Р. 4].

Следует уточнить, что в научной и аналитической практике исследования коррупции проблема неоднозначного понимания данного феномена в обыденной жизни рядовых граждан становится особым предметом анализа. Так, в международных научно-исследовательских разработках повседневное понимание и восприятие коррупции анализируется в тесной связи с этноцентризмом [25], с культурными диспозициями (*cultural dispositions*), рассмотренными в рамках релятивистской концепции (*relativist concept*) [2]. В ином аспекте раскрываются особенности восприятия коррупции в рамках подхода к общественным благам (*public goods approach*), исходя из которого утверждается, что коррупцию необходимо изучать как незаконное присваивание общественных благ, которые затем превращаются в частные блага [26. Р. 7]. Контекстуальность восприятия и определения коррупции на обыденном уровне иллюстрируют результаты антропологических исследований Д. Холе-ра, С. Шора, которые рассматривают представления о коррупции в повседневной реальности жителей различных стран [27].

Для России изучение восприятия коррупции в повседневной жизни чрезвычайно актуально, однако теоретическая база исследования данной проблематики недостаточно разработана. Следует отметить вклад в развитие этой области отечественных психологов, которые значительно углубляют понимание особенностей отношения к коррупции в российском обществе. Так, В.А. Соснин, Д.А. Китова фиксируют то, что изменения в отношении к проблеме коррупции в последние два десятилетия произошли в контексте столкновения западной цивилизационной парадигмы и коллективистической культуры России [28]. Ученые полагают, что западные жизненные ориентиры и ценности, которые нередко выдвигались в качестве приоритетов развития страны, не всегда соответствуют российскому культурному архетипу. Как заключают авторы, ориентации в пользу материальных, а не духовных ценностей, на которые молодые люди реагируют более позитивно, чем старшее поколение, «...неизбежно приводят (не обязательно явно и прямолинейно) к большей терпимости к коррупции» [Там же. С. 140].

Таким образом, восприятие коррупции как социально-дестабилизирующего и негативного явления может размыться в индивидуальном и массовом сознании, а ее определение в обыденном понимании может не совпадать с публичным дискурсом. В научной литературе утверждается, что коррупция не имеет устойчивых моральных оснований для субъективно-оценочных суждений, поэтому «чтение о морали или о высоких этических нормах – бесполезное средство для решения этой проблемы» [14. С. 135]. Это делает уяз-

вимой антикоррупционную политику в молодежной среде. Серьезной проблемой для реализации антикоррупционной деятельности в этой сфере может стать легитимное отношение молодых людей к коррупции, наделение позитивными чертами образа коррупционера, толерантность к участникам коррупционных сделок. В контексте усиления образовательно-воспитательной деятельности в сфере антикоррупционной политики уделяется недостаточно внимания особенностям восприятия коррупции молодыми людьми. Более того, если учитывать, что именно молодое поколение является носителем будущего вектора общественного сознания, становится крайне актуальным изучение восприятия коррупции современной молодежью при рассмотрении дальнейших направлений развития антикоррупционной политики. В этом случае необходимы содержательная конкретика повседневного понимания явления коррупции молодыми людьми и выявление их отношения к нему в контексте личностных смыслов, что и является целью данной статьи.

Методы и информационная база исследования

С целью выявления особенностей повседневного понимания и восприятия коррупции молодым поколением было проведено социологическое исследование с опорой на качественную методологию. Необходимо заметить, что коррупция представляет сложный предмет анализа, так как затрагивает действия криминального характера, что может насторожить потенциальных респондентов и подтолкнуть их отвечать, исходя из общепринятых представлений. Количественные методы могут поверхностно отразить срез социальной реальности, показывая те варианты ответа, которые изначально были предложены респондентам, а в силу специфики предмета исследования повышается риск получить преимущественно социально одобряемые оценки. Качественные методы исследования, таким образом, становятся крайне значимым источником информации о реальных представлениях российской молодежи, взглядах, установках, ценностно-нормативных ориентациях, которые содержатся в высказываниях и рассуждениях молодых людей, выраженных своими словами, а не ограниченных заранее сформулированным перечнем вопросов. Поэтому для сбора эмпирических данных использовался метод фокус-группового интервью, поскольку он позволяет отразить многообразие существующих позиций и представлений в ходе дискуссии и при этом раскрыть мнение каждого респондента, получить информацию в качестве ответных комментариев и аргументов, а также спонтанные ответы [29].

Эмпирической базой исследования послужили материалы 12 фокус-групп, осуществленных в 2018 г. в трех гуманитарных московских вузах. Участниками исследования были молодые люди из разных российских городов, которые приехали на обучение в Москву. Всего в исследовании приняли участие 79 человек в возрасте от 17 до 21 года, обучающихся по программам бакалавриата по направлениям подготовки специалистов экономического и политического профиля, что обеспечивает вариативность мнений будущих сотрудников сферы политики, бизнеса и коммерческих структур, которые подвержены коррупционным рискам в дальнейшей профессиональной деятельности. В каждую фокус-группу входили от 5 до 7 студентов разных курсов обучения.

В центре проведенного социологического исследования находились не только особенности субъективного восприятия коррупции молодыми людьми, но также их возможное поведение в случае возникновения коррупционной ситуации при решении вопросов бытового характера. Еще одним аспектом исследования стали оценка и анализ мер борьбы с коррупцией в России, что особенно актуально в контексте усиления антикоррупционной политики по работе с молодежью.

Исследование было направлено на изучение следующих вопросов:

- как студенты определяют сущность коррупции; обладает ли коррупция отличительными социально-культурными характеристиками в контексте личностных смыслов молодых людей;

- каково эмоциональное (положительное, негативное, нейтральное) восприятие коррупции;

- какие основные негативные последствия коррупции для общества выделяет современная молодежь, видит ли возможную пользу от коррупции и в чем она состоит;

- какова потенциальная поведенческая реакция молодых людей, если бы они столкнулись с фактами коррупции; насколько осведомлена современная молодежь о своих правах в сфере антикоррупционного законодательства;

- какие меры борьбы с коррупцией в России, по мнению современных студентов, будут наиболее эффективными; на кого возлагается основная ответственность в процессе искоренения коррупции, насколько актуализирована субъективная ответственность молодых людей в противодействии коррупции.

Косвенным образом предполагалось выявить элементы легитимации и изучить основы терпимого отношения к коррупции, отразить эмоциональный фон легитимного восприятия коррупции, показать ситуативную рамку, в которой индивид готов участвовать в коррупционных отношениях и на каких основаниях.

Результаты исследования

В повседневном понимании современной молодежи коррупция представляет прежде всего незаконные действия, такие как «взятки», «подкуп взятками», что демонстрирует смысловую актуализацию данного феномена в юридическо-правовом пространстве. При этом некоторые респонденты акцентировали профессиональную деформацию в сущностном определении коррупции, указывая на то, что *«коррупция – это нарушение служебных обязанностей работником путем получения взятки»* (м., 20 лет, фокус-группа № 6).

Для части студентов коррупция представляет «кражу государственных средств», «воровство», что становится следующим видом противозаконных действий, используемых в правоприменительной трактовке коррупции. Менее значимо морально-ценностное основание интерпретации коррупции, которое встречалось редко в ответах студентов, определяющих коррупцию как «плохая вещь», «несправедливость», «продажность должностных лиц».

Панораму восприятия коррупции расширяют данные об отличительных характеристиках данного явления в России. Необходимо отметить, что современная молодежь не рассматривает коррупцию как феномен, обладающий

общими и универсальными свойствами в разных странах. Практически каждый участник исследования согласился с тем, что коррупция имеет свою специфику в зависимости от социокультурных условий конкретного региона, что актуально и для российской действительности. Согласно социальным представлениям молодежи, коррупция в российском обществе имеет «слишком большие масштабы», «повсеместна», распространена в основных сферах жизнедеятельности социума и, что примечательно, имеет открытый характер: *«То есть все знают, что этого нельзя делать, но при этом берут и дают взятки»* (ж., 19 лет, фокус-группа № 7).

В материалах фокус-групп встречались ответы, в которых особо подчеркивались этнокультурные особенности коррупции, воспринимаемой как укоренившийся феномен российской повседневности: *«В России коррупция – это такое явление, которое очень сложно искоренить, потому что оно, во-первых, повсюду, а во-вторых, иногда бывает вообще по-другому никак, например, в медицине без коррупции не обойтись»* (ж., 20 лет, фокус-группа № 1).

Изучение когнитивно-эмоционального аспекта восприятия коррупции показывает преимущественно отрицательный тон эмоциональных высказываний, в которых коррупция оценивается как негативное для общества явление. По мнению студентов, существенный вред от коррупции состоит в том, что в обществе увеличивается социальное неравенство, растет разрыв между доходами населения, возникают безнаказанность и несправедливость. Помимо этого, респонденты обеспокоены тем, что денежные средства, выделенные государством для решения различных социальных проблем, незаконно присваиваются коррупционерами и *«расходятся не на социальные нужды, а поступают в личное пользование»* (ж., 20 лет, фокус-группа № 10).

Примечательно, что у определенной части респондентов не возникало особых негативных эмоций по отношению к коррупции. Как утверждала одна студентка, *«...если бы создавались такие условия, при которых коррупция не нужна была, то, возможно, все было бы проще, но из-за того, что существуют такие сложности, коррупция – это не так плохо»* (ж., 18 лет, фокус-группа № 4). В целом эмоционально-нейтральные оценки выражали отношение к коррупции как к части российского менталитета либо допустимому явлению в условиях современной реальности.

Отдельной темой для обсуждения стала возможная польза от коррупции. Некоторые студенты придерживались четкой и однозначной позиции в этом вопросе и утверждали, что *«никакой пользы от коррупции нет, все – негативно»* (ж., 19 лет, фокус-группа № 8). Тем не менее ответы, демонстрирующие устойчивое негативное отношение к коррупции, встречались редко. Гораздо чаще участники дискуссий признавали, что определенная польза от коррупции все-таки есть. В своих рассуждениях они исходили из того, что коррупция *«упрощает процесс рассмотрения дел, все решается быстрее»* (м., 18 лет, фокус-группа № 2).

Некоторые опрошенные рассматривали коррупцию положительно со стороны тех, кто берет взятки: *«Я считаю, что коррупция обществу пользу не приносит, но отдельным людям – да. Таким людям, которые получают маленькую зарплату, поэтому они берут взятки»* (м., 20 лет, фокус-группа № 3).

Следует заметить, что положительные аспекты восприятия коррупции актуализируются в контексте разграничения сферы общественного и частного. Студенты неоднократно подчеркивали, что в целом для общества «пользы от коррупции нет», но для отдельного индивида в решении повседневных вопросов либо для того, кто нелегально получает взятку, возможны положительные эффекты.

Одной из ключевых задач исследования стало выявление возможной поведенческой реакции респондентов при столкновении с коррупцией в повседневной реальности. В рамках фокус-групповых дискуссий респондентов попросили представить ситуацию, когда у них вымогают взятку, которую они не хотят давать, и описать, как они поступили бы в таком случае. В своих рассуждениях студенты, как правило, опирались на примеры бытовой коррупции, которая послужила ситуативной рамкой анализа потенциальной стратегии поведения.

Фокус-групповое исследование показывает три наиболее распространенных поведенческих реакции. Первые две из них отражают полярные позиции, фиксирующие на противоположных полюсах категоричное неприятие коррупции, с одной стороны, и терпимое отношение к ней – с другой. Почти в равных долях молодые люди разделились между этими позициями, полагая, что необходимо отказаться от участия в коррупции в любом случае, либо утверждая, что лучше согласиться на коррупционную сделку. В свою очередь, третью стратегию поведения продемонстрировала категория респондентов, которые заняли неопределенную позицию, слабо проявляя склонность к возможному совершению коррупционных действий в силу сложившихся обстоятельств.

Студенты, которые утверждали, что не готовы участвовать в коррупции, считают, что необходимо зафиксировать факт вымогательства взятки и с данными материалами обратиться в специальные государственные органы: *«Я записала бы на диктофон или на видео, как у меня вымогают взятку, и пошла бы в суд, полицию»* (ж., 20 лет, фокус-группа № 12).

В ином ракурсе рассматривают коррупционную ситуацию те респонденты, которые продемонстрировали склонность к участию в коррупционных отношениях. Необходимо уточнить, что выбранная стратегия поведения чаще всего артикулируется в ситуации правонарушения, в которой респондент представлял себя в качестве виновного. Вот как объяснил это один из участников дискуссии: *«Я все равно дал бы взятку. Допустим, если тебя остановил сотрудник ДПС, а ты нарушил правила, переехал две сплошные, и ты понимаешь, что тебе грозит лишение прав, то я бы дал лучше деньги и от этого избавился бы таким способом»* (м., 20 лет, фокус-группа № 9).

Воспринимая коррупционное поведение как допустимое, нередко молодые люди указывали на экономические выгоды. В частности, несколько студентов рассматривали ситуацию потенциального правонарушения в области дорожного движения, за что предусматривается определенный штраф. Если сумма штрафа превышает сумму, которую можно заплатить в виде взятки должностному лицу, то, как считают некоторые юноши и девушки, вполне возможно согласиться на коррупционную сделку. Исследование также показало, что, помимо финансовых затрат, студенты учитывают временные и моральные издержки.

Многие респонденты в целом подчеркивали личную выгоду. Как заметила одна из участниц исследования, *«взятки я давала бы, если бы мне было выгодно»* (ж., 19 лет, фокус-группа № 5).

Отдельную группу составляют неопределившиеся в выборе четкой линии поведения молодые люди. Они в основном выражают неприятие к участию в коррупции, но не исключают такой возможности в определенных жизненных ситуациях: *«Тут все зависит от ситуации в любом случае... В такой ситуации, когда никто не пострадает, если это не влияет на жизнь других людей, это не назвать незаконным, то, наверное, я бы еще подумала, а так вряд ли»* (ж., 19 лет, фокус-группа № 11).

Необходимо заметить, что потенциальная траектория поведения многих опрошенных определялась контекстуальными условиями и границами, очерченными в пространстве «общественное–частное». Рассматривая коррупцию как возможный случай в повседневной практике, студенты неоднократно уточняли, что участие в коррупционных отношениях возможно, если затрагиваются исключительно частные интересы и не наносится ущерб обществу: *«Если от меня не пострадает общество и будет обоюдная вина, того, кто берет взятку и моя, тогда можно дать взятку. Опять же все зависит от ситуации, и если ситуация не представляет другого выхода»* (м., 20 лет, фокус-группа № 2).

В ходе исследования проявилась проблема правовой неосведомленности современной молодежи в сфере антикоррупционного законодательства. Респонденты в большинстве случаев не знали, как защитить свои права с помощью закона, если у них вымогают взятку, что отразил специально сформулированный вопрос. Немногочисленная группа молодых людей заявила, что необходимо обратиться в правоохранительные органы («полицию», «суд», «вышестоящие инстанции») и написать заявление. Однако ни один из опрошенных не назвал конкретный закон либо иные нормативно-правовые акты, определяющие правовой статус лиц, заявляющих о фактах коррупции.

На фоне усилившегося внимания к молодежи в рамках антикоррупционной политики, где особое место занимает деятельность в сфере образования и воспитания молодого поколения как носителя вектора развития национального сознания [30, 31], особую значимость приобретает восприятие респондентами проблемы борьбы с коррупцией в России. Следует констатировать тот факт, что абсолютное большинство участников исследования считают, что победить коррупцию в современном российском обществе невозможно. Студенты указывали на отсутствие достаточных оснований для полной ликвидации коррупции в условиях современной России, что связано с социально-политическими, экономическими и социально-культурными факторами. В частности, респонденты подчеркивали, что на сегодняшний день коррупция крепко укоренилась в социуме и приобрела характер опривыченных действий.

Несколько молодых людей видят ситуацию более оптимистично и считают, что победить коррупцию в современных условиях все-таки можно. В своих рассуждениях они исходили из того, что многое зависит от самого человека: *«Если человек захочет, он все может сделать. Просто надо захотеть это сделать, и тогда все получится»* (м., 21 год, фокус-группа № 8).

Определенная часть студентов признала, что коррупцию в России полностью искоренить не удастся, однако возможно минимизировать ее уровень, что демонстрирует лаконичное замечание одной из девушек: *«Можно сократить, победить нельзя»* (ж., 19 лет, фокус-группа № 10).

Другие респонденты допускают возможность победить коррупцию, но отмечают положительные сдвиги в долгосрочной перспективе: *«Мне кажется, от коррупции можно избавиться, это реальная цель, но именно в российском обществе, если честно, я не могу предположить, какие меры нужно предпринять, чтобы сделать это в ближайшие 10 лет, на это необходимо много времени»* (ж., 18 лет, фокус-группа № 8).

В вышеприведенной цитате студентка уточняет, что не знает, какие меры наиболее эффективны в борьбе с коррупцией в России. Стоит отметить, что это достаточно актуальный вопрос на данный момент, который мы предложили респондентам для обсуждения.

В проведенном фокус-групповом исследовании мнения большинства студентов склонились в сторону ужесточения мер пресечения и наказания, применяемых в случае совершения коррупционных преступлений. Современная молодежь считает необходимым «ужесточить санкции», ввести «пожизненное тюремное заключение», «увеличить уголовный срок», «применять смертную казнь» и «усилить контроль в обществе». Вместе с тем некоторые респонденты не уверены в эффективности ужесточения антикоррупционного законодательства. Их беспокоят риски ошибочных обвинений, вердиктов либо преднамеренных уголовных преследований невиновных людей.

Отдельно отметим позицию современной молодежи в отношении роли информационных технологий в решении проблемы коррупции. Сегодня возможность подавать обращения в электронно-цифровой форме, заказывать необходимые государственные услуги на специальных сайтах, отслеживать документооборот в личном кабинете интернет-пользователя создали новые рамки общения между государственными и муниципальными организациями и населением. Но изменится ли ситуация с коррупцией в новых контекстуальных условиях, по мнению молодежи?

Следует констатировать тот факт, что опрошенные студенты неоднозначно оценивают возможность изменить уровень коррупции в России после расширения использования современных технологий. Многие опрошенные утверждали, что *«новые технологии не повлияют как-то значительно, не сыграют особой роли»* (ж., 19 лет, фокус-группа № 10).

Бесперспективность использования информационных технологий в борьбе с коррупцией, как полагают молодые люди, связана с этнокультурной спецификой: *«...в России менталитет влияет. Русские всегда гонятся за деньгами, поэтому ничего не поможет»* (м., 20 лет, фокус-группа № 8).

Некоторые респонденты считают, что в новых условиях «чиновники становятся более изобретательными». *«Допустим, у них есть специальные службы, которые их проверяют, – попытался изобразить возможную теневую схему один из юношей. – Так они могут просто подкупить эти службы. И сами брать дальше взятки. Просто отдавать проценты»* (м., 21 год, фокус-группа № 7).

В материалах фокус-групп также встречались мнения, что внедрение информационно-коммуникационных технологий сначала улучшит ситуацию с

коррупцией, однако *«потом люди привыкнут к этому и будут знать, где, что и как можно обойти»* (м., 21 год, фокус-группа № 2).

Противоположную позицию занимают те студенты, которые считают, что активное внедрение информационных технологий в государственные, муниципальные и иные организации способно снизить уровень коррупции. Эти студенты полагают, что технологические нововведения, усиление видео- и аудиоконтроля могут оказать существенное влияние на ситуацию с коррупцией из-за увеличенных рисков быть пойманными за совершение коррупционных действий.

Отчасти соглашаясь с тем, что информатизация в определенной степени позволит лимитировать уровень коррупции, несколько человек обратили внимание на другие факторы, акцентируя роль морально-нравственных ценностей, либо на меры правового воздействия. Они утверждали, что *«...даже, если установить видеокамеры во всех полицейских участках или медицинских учреждениях, полученные записи можно будет стереть, поэтому ситуацию нельзя изменить посредством расширения технологий. Это нужно делать путем внедрения правильных ценностей в общество»* (ж., 18 лет, фокус-группа № 11).

Особое место в поле групповых дискуссий занял вопрос о том, на кого должна возлагаться основная ответственность в процессе борьбы с коррупцией. Как показывает исследование, большинство опрошенных считают, что основным субъектом антикоррупционной деятельности являются органы государственной власти либо государство в целом, *«потому что это единственное русло воздействия на людей»* (ж., 20 лет, фокус-группа № 6).

К наиболее значимым субъектам антикоррупционной политики также относятся «общество», «все население» либо институты гражданского общества: «общественные движения», «специальные общественные организации». Часть респондентов указывали на первостепенное значение семьи и образовательных организаций.

Некоторые студенты выделяли личную ответственность индивида, указывая на то, *«что каждый человек должен понимать всю свою ответственность за дачу взятки»* (ж., 21 год, фокус-группа № 3).

Нередко студенты отмечали несколько субъектов антикоррупционной деятельности одновременно, полагая, что *«...семья должна закладывать воспитание человека, государство должно применять санкции, предусмотренные за коррупцию»* (ж., 19 лет, фокус-группа № 12). Это демонстрирует комплексный подход к решению проблемы коррупции, в рамках которого подчеркивается необходимость социальной консолидации и совместных усилий.

Заключение

Проведенное эмпирическое исследование позволяет сделать ряд важных выводов о смысловой наполненности используемого в повседневной жизни молодых людей понятия «коррупция» и особенностях субъективного восприятия данного явления в молодежной среде.

Определение коррупции как самостоятельного феномена в основном презентует юридическо-правовой аспект его понимания. В данном случае моральная составляющая понятийного основания коррупции смещается на

периферию сознания. Вместе с тем в представлениях современных студентов сильно акцентированы этнокультурные особенности коррупции. Молодые люди воспринимают коррупцию как особую проблему российского общества, которую отличают «большие масштабы», «открытость» и повсеместное распространение в основных социальных институтах.

Многогранность осмысления феномена коррупции оттеняет неоднородно окрашенный эмоциональный спектр. Как и предполагалось, участники исследования чаще всего определяли коррупцию как негативное для общества явление, что отражает основную экспрессивную нагрузку восприятия феномена коррупции. Однако существенно сегментируют эмоциональную картину нейтральные оценки. Слабо выраженная эмотивность проявилась в тех высказываниях, в которых коррупция рассматривается как привычный атрибут российской социальной реальности, приемлемая часть повседневной жизни в современных условиях.

Примечательно, что положительные стороны коррупции актуализируются не в пространстве морально-нравственных норм и ценностей, а в плоскости общественных и частных интересов, что показал вопрос о возможной пользе коррупции. В этой же плоскости выявляется терпимое отношение к коррупции на уровне возможных поведенческих реакций. Отметим, что современные молодые люди продемонстрировали три потенциальных поведенческих стратегии. Первая из них отражает твердые убеждения и сформированные антикоррупционные установки. Вторая поведенческая реакция демонстрирует противоположную позицию, допускающую коррупцию в определенных условиях. Третья линия поведения отражает склонность к возможному совершению коррупционных действий в «неизбежной ситуации».

Две последние стратегии поведения привлекают особое внимание, так как свидетельствуют об определенной готовности индивида участвовать в коррупционных отношениях. Складывается противоречивая ситуация. Несмотря на то, что большинство респондентов интерпретировали коррупцию как действия преступного характера, в прикладном контексте они оправдывали коррупционные практики для решения бытовых проблем. Речь идет о том, что следует акцентировать не только содержательный контент понимания коррупции, но особое пространство актуализации той или иной стороны данного феномена. Об этом свидетельствует то, что потенциальная стратегия поведения многих респондентов определялась в пространстве «общественное–частное». Так, рассматривая коррупционные риски, студенты неоднократно подчеркивали границу между общественной и частной сферами жизни, артикулируя легитимные основания в плоскости «частных интересов», где коррупция теряет свое юридическо-правовое определение, нравственно-этическую оценку и рассматривается как допустимый способ решения возникшей проблемы.

Отдельно следует отметить пробелы в правовой компетентности современной молодежи, обнаруживающиеся в сфере антикоррупционного законодательства. Молодые люди слабо осведомлены о конкретных нормативно-правовых актах, которые могут послужить правовой базой противодействия коррупции и защиты прав при столкновении с фактом вымогательства взятки.

Современные студенты в большинстве своем сходятся во мнении, что победить коррупцию в современных реалиях практически невозможно. Ситу-

ацию усугубляет то, что коррупция воспринимается как глубоко укорененный феномен в российском социуме, опосредованный социально-культурными факторами. В этой связи отмечается достаточно скептическое отношение молодежи к возможности изменить ситуацию с коррупцией в России в результате перехода к электронно-цифровой форме введения документооборота и обработки обращений граждан. При этом большинство респондентов считают, что наиболее действенными мерами ликвидации коррупции в стране являются ужесточение наказания (увеличение тюремного срока, введение смертной казни) и усиление контроля в обществе.

Тематика основной роли различных субъектов антикоррупционной деятельности в борьбе с коррупцией также актуализирует поле общественных и частных интересов. Признание ведущей роли государства, социума в целом, институтов гражданского общества отражает макроуровень локализации социальной ответственности основных субъектов антикоррупционной политики. Роль отдельного человека смещается на задний план, что отражает слабо выраженную субъективную ответственность и понимание значимости личного вклада в ликвидацию коррупции как социетальной проблемы.

Таким образом, изучение коррупции в восприятии молодежи показывает рассогласованность основных полей осмысления различных сторон коррупции. Моральная составляющая данного феномена практически не актуализирована. В основном преобладает срез социальной реальности, артикулирующий отношение макро- и микроконтекста восприятия данного феномена, демонстрируя плоскость разграничения сферы общественных и частных интересов.

В заключение заметим, что полученные данные открывают широкий горизонт для дальнейших исследований. Так, учитывая значительную долю опрошенных, которые допускают коррупционные действия в определенных условиях, укажем на необходимость изучения скрытого коррупционного потенциала молодого поколения. Рассмотренный как самостоятельный феномен, коррупционный потенциал отражает латентные возможности индивида, способного совершить (не совершить) коррупционные действия при наличии и использовании определенных средств и ресурсов в соответствующих условиях. Немногие студенты однозначно ответили, что готовы дать взятку, тем не менее достаточно часто респонденты выражали согласие на участие в коррупции при определенных условиях. Проводя демаркационную линию между сферами общественных и частных интересов, респонденты очерчивали границы, в которых коррупция теряет свое юридическо-правовое определение, нравственно-этическую оценку и оценивается как допустимый способ решения возникшей проблемы. Полученный материал послужит ценной информацией для дальнейших научных разработок и междисциплинарных исследований коррупционного потенциала.

Литература

1. Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы. М. : Логос, 2010. 356 с.
2. Tänzler D. Cultures of Corruption – An Empirical Approach to the Understanding of Crime // Discussion Paper Series. 2007. № 2. URL: http://kops.unikonstanz.de/bitstream/handle/123456789/11454/Discussion_Paper_No_2_Dirk_Taenzler_June_2007.pdf?sequence=1 Treisman, D (accessed: 10.08.2018).

3. *Dimant E.* The Nature of Corruption: An Interdisciplinary Perspective // Economics Discussion Papers. Kiel Institute for the World Economy. 2013. № 59. URL: <http://www.economics.ejournal.org/economics/discussionpapers/2013-59> (accessed: 10.08.2018).
4. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.
5. *Amundsen I.* What is political corruption? Bergen: Chr. Michelsen Institute. U4, 2006. Is. 6. URL: <http://www.u4.no/publications/political-corruption/> (accessed: 10.08.2018).
6. *Treisman D.* What have we learned about the causes of corruption from ten years of cross-national empirical research? // Annual Review of Political Science. 2007. Vol. 10. P. 211–244. DOI: 10.1146/annurev.polisci.10.081205.095418
7. *Fjelde H., Hegre H.* Political Corruption and Institutional Stability // Studies in Comparative International Development. 2014. Vol. 49 (3). P. 267–299. DOI: 10.1007/s12116-014-9155-1
8. *Aidt T.S.* Economic Analysis of Corruption: A Survey // The Economic Journal. 2003. Vol. 113 (491). P. 632–652. DOI: 10.1046/j.0013-0133.2003.00171.x
9. Барсукова С.Ю. Коррупция: научные дебаты и российская реальность // Общественные науки и современность. 2008. № 5. С. 36–47.
10. *Olken B.A.* Corruption Perceptions vs. Corruption Reality // Journal of Public Economics. 2009. Vol. 93 (7–8). P. 950–964. URL: <http://www.nber.org/papers/w12428.pdf> (accessed: 10.08.2018).
11. *Getz K.A., Volkema R.J.* Culture, Perceived Corruption, and Economics: A Model of Predictors and Outcomes // Business and Society. 2001. Vol. 40 (1). P. 7–30. DOI: 10.1177/000765030104000103
12. *Barr A., Serra D.* Corruption and Culture: An Experimental Analysis // Journal of Public Economics. 2010. Vol. 94 (11–12). P. 862–869. DOI: 10.1016/j.jpubeco.2010.07.006
13. *Judge W.Q., McNatt D.B., Weichu Xu.* The antecedents and effects of national corruption: A meta-analysis // Journal of World Business, Elsevier. 2011. Vol. 46 (1). P. 93–103. DOI: 10.1016/j.jwb.2010.05.021
14. *Панако́стас А.* Становление цивилизационной публичной сферы: недоверие, доверие и коррупция. М.: ВЦИОМ, 2016. 224 с.
15. Журавлев А.Л., Соснин В.А. Феномен коррупции в России как социополитическая и психологическая проблема // Прикладная юридическая психология. 2013. № 2. С. 8–24.
16. *Bicchieri C., Ganegoda D.* Determinants of Corruption: A Sociopsychological Analysis // Thinking about Bribery: Neuroscience, Moral Cognition and the Psychology of Bribery / P. Nichols, D. Robertson (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 177–178.
17. *Greed,* Corruption, and the Modern State. Essays in Political Economy / S. Rose-Ackerman, P. Lagunes (eds.). Cheltenham; Northampton MA: Edward Elgar, 2015. DOI: 10.4337/9781784714703
18. *Климовицкий С.В., Карпова С.Г.* Методология измерения социально-психологических факторов коррупции // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. № 4. С. 206–222.
19. *Попов М.Ю.* Институты гражданского общества против коррупции // Историческая и социально-образовательная мысль. 2010. № 2. С. 24–31.
20. *Dupty K., Neset S.* The cognitive psychology of corruption. Micro-level explanations for unethical behavior // U4. 2018. Is. 2. URL: <https://www.u4.no/publications/the-cognitive-psychology-of-corruption/pdf> (accessed: 21.09.2018).
21. *Ванновская О.В.* Личностные детерминанты коррупционного поведения // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 102. С. 323–328.
22. *Карпова С.Г., Некрасов С.В., Пинчук А.Н.* К интерпретации понятия «коррупция»: социетальные и социально-психологические аспекты // Горизонты гуманитарного знания. 2018. № 2. С. 52–64. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/755>. DOI: 10.17805/ggz.2018.2.5 (дата обращения: 21.09.2018).
23. *Коррупция:* социально-психологическое измерение. М.: ИСПИ РАН, 2015. 230 с.
24. *Tänzler D., Maras K., Giannakopoulos A.* Crime and Culture. Breaking New Ground in Corruption Research // Discussion Paper Series. 2007. № 1. URL: http://kops.uni-konstanz.de/bitstream/handle/123456789/11588/Discussion_Paper_No_1_Project_Presentation_June_2007.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed: 21.09.2018).
25. *Ruud A.E.* Corruption as Everyday Practice. The Public Private Divide in Local Indian Society // Forum for Development Studies. 2000. № 2. P. 271–294. URL: <https://www.uio.no/studier/emner/hf/ikos/SAS1504/v06/Corruption%20as%20everyday%20practice.pdf> (accessed: 21.09.2018).

26. Rothstein B., Torsello D. Is corruption understood differently in different culture? // *Anthropology meets Political Science*. QoG Working Paper Series. 2013. № 5. URL: https://www.qog.pol.gu.se/digitalAssets/1443/1443545_2013_5_rothstein_torsello.pdf (accessed: 21.09.2018).
27. *Corruption: Anthropological Perspectives* / D. Haller, C. Shore (eds.). London : Pluto Press, 2005. 262 p.
28. Соснин В.А., Китова Д.А. Макропсихологические аспекты исследования коррупции // Наука. Культура. Общество. 2018. № 1. С. 129–141.
29. Тихомиров Д.А. Прикладная социология в политической сфере // *Горизонты гуманитарного знания*. 2018. № 1. С. 91–112. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/704>. DOI: 10.17805/ggz.2018.1.6 (дата обращения: 21.09.2018).
30. О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы : Указ Президента РФ от 29 июня 2018 г. № 378 // ГАРАНТ.РУ. Информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71877694/> (дата обращения: 21.09.2018).
31. Об утверждении программы по антикоррупционному просвещению на 2014–2016 гг. : Распоряжение Правительства РФ от 14 мая 2014 г. № 816-р // ГАРАНТ.РУ. Информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70555558/> (дата обращения: 21.09.2018).

Svetlana G. Karepova, Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

E-mail: Svetlran@inbox.ru

Antonina N. Pinchuk, Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

E-mail: antonina.pinchuk27@bk.ru

Sergey V. Nekrasov, Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

E-mail: sv_79@inbox.ru

Dmitry A. Tikhomirov, Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russian Federation).

E-mail: dat1983@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 50. pp. 146–161.

DOI: 10.17223/1998863X/50/14

CORRUPTION AND ANTI-CORRUPTION AS PERCEIVED BY THE RUSSIAN YOUTH: A FOCUS-GROUP RESEARCH EXPERIENCE

Keywords: corruption; anti-corruption; perception of corruption; youth, focus-group research.

The article aims to analyze the content of the concept “corruption” used in the daily life of young people and the features of this phenomenon subjectively perceived by the youth. Considering educational activities within the anti-corruption policy, the authors point out that the legitimate attitude to corruption, endowing a corrupt official’s image with positive features, tolerance to participants in corruption among the youth can significantly complicate the implementation of anti-corruption activities in the education of young people. Thus, the authors identify the significant features of understanding corruption by young people and their attitude to the problem of anti-corruption in Russia. The article uses the materials of focus groups conducted with the students of the Russian humanitarian universities. The research results show that the grounds for legitimizing corruption are actualized in the space of public and private interests rather than of moral norms. The authors conclude that the transition from the sphere of public interest to the sphere of private interest erodes a clear understanding of corruption as a socially dangerous phenomenon and forms an ambivalent attitude. A fight against corruption also articulates the distinction between the fields of public and private interests. The authors emphasize that young people determine the main area of actors’ responsibility for the anti-corruption policy in the macro-context, actualizing the primary role of the state and society in eliminating corruption, which indicates a weak subjective responsibility. Modern students also show ethno-cultural features when perceiving corruption.

References

1. Rose-Ackerman, S. (2010) *Korrupsiya i gosudarstvo. Prichiny, sledstviya, reformy* [Corruption and Government: Causes, Consequences, and Reform]. Translated from English by O.A. Alyakrinsky. Moscow: Logos.

2. Tänzler, D. (2007) Cultures of Corruption – An Empirical Approach to the Understanding of Crime. *Discussion Paper Series*. 2. [Online] Available from: http://kops.unikonstanz.de/bits-tream/handle/123456789/11454/Discussion_Paper_No_2_Dirk_Taenzler_June_2007.pdf?sequence=1 Treisman, D. (Accessed: 10th August 2018).
3. Dimant, E. (2013) The Nature of Corruption: An Interdisciplinary Perspective. *Economics Discussion Papers*. 59. [Online] Available from: <http://www.economics.ejournal.org/economics/discussionpapers/2013-59> (Accessed: 10th August 2018).
4. Huntington, S. (2004) *Politicheskii poriadok v menyayushchikhsya obshchestvakh* [Political Order in Changing Societies]. Translated from English. Moscow: Progress-Traditsiya.
5. Amundsen, I. (2006) What is political corruption? *Bergen: Chr. Michelsen Institute*. 6. [Online] Available from: <http://www.u4.no/publications/political-corruption/> (Accessed: 10th August 2018).
6. Treisman, D. (2007) What have we learned about the causes of corruption from ten years of cross-national empirical research? *Annual Review of Political Science*. 10. pp. 211–244. DOI: 10.1146/annurev.polisci.10.081205.095418
7. Fjelde, H., & Hegre, H. (2014) Political Corruption and Institutional Stability. *Studies in Comparative International Development*. 49(3). pp. 267–299. DOI: 10.1007/s12116-014-9155-1
8. Aidt, T.S. (2003). Economic Analysis of Corruption: A Survey. *The Economic Journal*. 113(491). pp. 632–652. DOI: 10.1046/j.0013-0133.2003.00171.x
9. Barsukova, S.Yu. (2008). Korruptsiya: nauchnye debaty i rossiyskaya real'nost' [Corruption: Academic Debates and the Russian Reality]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Contemporary World*. 5. pp. 36–47.
10. Olken, B.A. (2009) Corruption Perceptions vs. Corruption Reality. *Journal of Public Economics*. 93(7-8). pp. 950–964. [Online] Available from: <http://www.nber.org/papers/w12428.pdf>. (Accessed: 10th August 2018).
11. Getz, K.A., & Volkema, R.J. (2001) Culture, Perceived Corruption, and Economics: A Model of Predictors and Outcomes. *Business and Society*. 40(1). pp. 7–30. DOI: 10.1177/000765030104000103
12. Barr, A., & Serra, D. (2010). Corruption and Culture: An Experimental Analysis. *Journal of Public Economics*. 94(11-12). pp. 862–869. DOI: 10.1016/j.jpubeco.2010.07.006
13. Judge, W.Q., McNatt, D.B. & Weichu Xu (2011) The antecedents and effects of national corruption: A meta-analysis. *Journal of World Business*. 46(1). pp. 93–103. DOI: 10.1016/j.jwb.2010.05.021
14. Papakostas, A. (2016) *Stanovlenie tsivilizatsionnoy publichnoy sfery : Nedoverie, doverie i korruptsiya* [Civilizing the Public Sphere: Trust, Distrust and Corruption]. Moscow: VTsIOM.
15. Zhuravlev, A.L. & Sosnin, V.A. (2013) Fenomen korruptsii v Rossii kak sotsiopoliticheskaya i psikhologicheskaya problema [The phenomenon of corruption in Russia as a sociopolitical and psychological problem]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya – Applied Legal Psychology*. 2. pp. 8–24.
16. Bicchieri, C., & Ganegoda, D. (2017) Determinants of Corruption: A Sociopsychological Analysis. In: Nichols, P. & Robertson, D. (eds) *Thinking about Bribery: Neuroscience, Moral Cognition and the Psychology of Bribery*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 177–178)
17. Rose-Ackerman, S. & Lagunes, P. (eds) (2015) *Greed, Corruption, and the Modern State. Essays in Political Economy*. DOI: 10.4337/9781784714703
18. Klimovitsky, S.V. & Karepova, S.G. (2016) Metodologiya izmereniya sotsial'no-psikhologicheskikh faktorov korruptsii [Methodology of the measurement of socio-psychological factors of corruption]. *Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya*. 4. pp. 206–222.
19. Popov, M.Yu. (2010) Instituty grazhdanskogo obshchestva protiv korruptsii [The institutions of civil society against corruption]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. 2(4). pp. 24–31.
20. Dupuy, K. & Neset, S. (2018) *The cognitive psychology of corruption. Micro-level explanations for unethical behavior*. [Online] Available from: <https://www.u4.no/publications/the-cognitive-psychology-of-corruption/pdf>. (Accessed: 21st September 2018).
21. Vannovskaya, O.V. (2009). Personal determinants of corruptional behaviour. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 102. pp. 323–328. (In Russian).
22. Karepova, S.G., Nekrasov, S.V. & Pinchuk, A.N. (2018) On the interpretation of the concept “corruption”: Societal and socio-psychological aspects. *Gorizonty gumanitarnogo znaniya*. 2. pp. 52–64. (In Russian). DOI: 10.17805/ggz.2018.2.5
23. Osipov, G.V. (ed.) (2015) *Korruptsiya: sotsial'no-psikhologicheskoe izmerenie* [Corruption: Social and Psychological Measurement]. Moscow: Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences.

24. Ruud, A.E. (2000) Corruption as Everyday Practice. The Public Private Divide in Local Indian Society. *Forum for Development Studies*. 2. pp. 271–294. [Online] Available from: <https://www.uio.no/studier/emner/hf/ikos/SAS1504/v06/Corruption%20as%20everyday%20practice.pdf>. (Accessed: 21st September 2018).
25. Tänzler, D., Maras, K. & Giannakopoulos, A. (2007) Crime and Culture. Breaking New Ground in Corruption Research. *Discussion Paper Series*. 1. [Online] Available from: http://kops.uni-konstanz.de/bitstream/handle/123456789/11588/Discussion_Paper_No_1_Project_Presentation_June_2007.pdf?sequence=1&isAllowed=y (Accessed: 21st September 2018).
26. Rothstein, B. & Torsello, D. (2013) Is corruption understood differently in different culture? Anthropology meets Political Science. *QoG Working Paper Series*. 5. [Online] Available from: https://www.qog.pol.gu.se/digitalAssets/1443/1443545_2013_5_rothstein_torsello.pdf. (Accessed: 21st September 2018).
27. Haller, D. & Shore, C. (eds) (2005) *Corruption: Anthropological Perspectives*. London: Pluto Press.
28. Sosnin, V.A. & Kitova, D.A. (2018) Makropsikhologicheskie aspekty issledovaniya korruptsii [Macropsychology, corruption and their socio-psychological aspects]. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo*. 1. pp. 129–141.
29. Tikhomirov, D.A. (2018) Applied sociology in the political sphere. *Gorizonty gumanitarnogo znaniya*. 1. pp. 91–112. (In Russian). DOI: 10.17805/ggz.2018.1.6
30. President of the Russian Federation. (2018) *The Presidential Decree of the Russian Federation of June 29th, 2018, No. 378 "On anticorruption national plan for 2018–2020"*. [Online] Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71877694/> (Accessed: 21st September 2018).
31. The Government of the Russian Federation. (2014) *Order No. 816-p of the Government of the Russian Federation of May 14, 2014, On approval of the anticorruption education programme for 2014–2016*. [Online] Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70555558/> (Accessed: 21st September 2018).